

ЛитРес: Самиздат

Александр Киров

Другие лошади

ИЗБРАННОЕ

Русский ПЕН. Избранное

Александр Киров

Другие лошади (сборник)

«Автор»

2017

Киров А. Ю.

Другие лошади (сборник) / А. Ю. Киров — «Автор»,
2017 — (Русский ПЕН. Избранное)

Главные герои повестей и рассказов из книги «Другие лошади» – люди, которые при разных обстоятельствах встречаются после длительной разлуки. Все они словно бы ждут какого-то чуда. Надеются, что встреча с прошлым изменит их жизнь в настоящем, поможет решить проблемы, снять накопленные «грузом лет» противоречия. Сквозь все произведения проходит мысль о том, что лечит не время и не безвременье, а воспоминания о лучших днях жизни, победах, больших и «местного значения». О любимых людях. Каждый из героев обретает силы и мужество от встречи со своим прошлым. И даже если не побеждает, остаётся жить с чувством собственного достоинства.

© Киров А. Ю., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Деревня Русь	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Киров

Другие лошади

Повести и рассказы

Деревня Русь

*В отдаленном совхозе «Победа»
Был потрепанный старенький «ЗИЛ».
А при нем был Степан Грибоедов,
И на «ЗИЛе» он воду возил.*

(А. Башилачѣв «Грибоедовский вальс»)

1. Любитель старины

Василий Иванович вытащил из-за пазухи пачку папирос, воровато оглянулся и закурил. Штейн снисходительно, однако не без интереса смотрел на своего шуплого собеседника. На вид и по говорку тому было лет четырнадцать. По паспорту – пятьдесят.

– А найдешь ли ты, Василий Иванович, сейчас деревню эту? Очень надо.

«Подросток» помолчал, докурил, плюнув на ладонь, затушил окурок и пожал плечами, которые едва угадывались под мешковатым серым «пинжаком».

– Не знай, дяденька. Тот куст деревен заброшен. Дорога, от шоссе которая, заросла. Автобус-то давно-о боле не ходит...

«Дяденька» с гордостью кивнул в сторону дороги:

– У нас транспорт есть. «Джип». Очень хорошая машина.

Словно в доказательство этого из «Джипа» посигналили. Но Василий Иванович не поверил и замахал руками.

– Нее... Тут велторет нать. Ну километров двадцать еще как-то проедем. А там пешим ходом чапать.

Штейн вздохнул и достал из маленькой сумочки, прозванной в народе «пидораской», бумажную купюру сиреневого цвета.

– Возьмешься?

Василий Иванович сунул бумажку в карман и шмыгнул носом.

– Икон тама нет. Все уж стыбыли.

– Нет, Василий Иванович. Мы иконами не интересуемся. А вот дедушка твой куда как интересный человек был. Я уже слышал о нем. Нам бы дом его посмотреть. Возьмешься?

И Штейн достал из сумочки еще одну бумажку.

Василий Иванович задумчиво повертел ее в руках, словно собирался свернуть самокрутку.

– Я что... Я ничего. Можно попробовать! – кивнул Василий Иванович и, вопреки ожиданиям, сунул бумажку в карман, где уже лежала одна сиреневая.

– Вот и хорошо, Василий Иванович. Вот и чудненько! – хлопнул его по колену Штейн.

Из «Джипа» снова посигналили. Штейн спешно договорился с «подростком» о деталях...

– Странный тип – этот любитель старины, – ворчала Верочка, доедая бутерброд с ветчиной.

– Да не странный. Больной он. Местные рассказывают: вспоминал-вспоминал прошлое, да и повредился умом. Бродит сейчас за туристическими группами. Истории рассказывает... – бурчал Штейн сквозь гамбургер.

– Заведет он куда-нибудь нас...

– Да не бойся, Верочка. Места тут не такие заброшенные, как в Сибири. И расстояния не те. Ну что такое пятьдесят км? Сама подумай. Там, конечно, «дыра» в жилой части района. Но «дыра» небольшая. В крайнем случае сутки пешком – и в любом направлении мы куда-нибудь выйдем. Да и этот... Дурак-дурак, а дожил до седины. Значит, выведет.

Верочка выразительно кивнула в сторону заднего сиденья, откуда доносилось посапывание.

– Ну смотри. А о Леньке ты подумал? Обо мне, например.

– Верочка, комплект инсулина, два ингалятора. Он абсолютно нормальный парень, ему подышать – и мы с тобой его не догоним.

– Ну смотри... Смотри!

– А чего смотри. Смотреть вместе будем.

– На что смотреть-то? Может, скажешь уже наконец? – раздраженно спросила Верочка, убирая в корзину остатки еды.

Штейн рыгнул и почесал живот.

– Год назад я одному кренделю машину делал.

Тачка хорошая, но убитая была – жесь.

Да и сам чувак... Словно из гроба встал. А у меня ящик пива в мастерской. Да не смотри ты так. Пивом однажды рассчитались – до сих пор стоит. У нас строго с этим. А я парню банку пива и сунул. «Дерябни, – говорю, – веселей будет». Он взял и выпил. Машинально так. Быстро. Я ему еще одну. И со второй банки его, значит, повело. И рассказал он мне про деревню, в которую мы собираемся.

Чувак оказался писателем. Я мужик прямой, знаешь, не удержался и ляпнул ему, что не понимаю, кому сейчас книжки нужны. Ладно еще киношка. Вот авто – дело другое. Чел этот, Сашка, вдруг захохотал и говорит: «Спорим, я тебе одну историю расскажу – не оторвешься. Помирать с ней будешь. Сам писателем станешь и липнуть с ней будешь к любому встречному-поперечному?».

Я: «Валяй!»

А скучно просто стало. Конец дня еще рабочего. Устал весь...

Он пивка хлебнул и выдал скороговоркой: «Есть одно место. Русь называется. Там любой желающий клад найти может. Нужно только понравиться месту этому. Если полюбит оно тебя – все. Как-то так сделается, что оно само тебе на сокровище путь укажет». – «Все?» – спрашиваю. – «Все». – «А ты чего – нашел клад?» – интересуюсь я. «Ну вот, – говорит, – ты и завелся»...

На этом месте Верочка вскрикнула.

К лобовому стеклу прильнуло чье-то лицо.

– Василий Иванович, ети мать, – выдохнул Штейн и впустил «подростка» в машину...

– Остановка! – милостиво возвестил Василий Иванович.

Штейн, Верочка и Ленька вышли из машины и встали на окраине заброшенной деревни.

– Философская, – хмыкнул Василий Иванович, закуривая папироску.

– Чет с философией того... не того... – отдуваясь, махнул рукой Штейн.

– Деревня Философская.

– А? – не поняла Верочка.

– Деревня. Называется – Философская! – терпеливо, словно детям, объяснил своим спутникам Василий Иванович. – Раньше была – Филосовская. Одну букву перепутали в документах. Стала – Философская...

Ленька, не обремененный дорожным скарбом, бродил вдоль по главной, единственной и безнадежно заросшей улице...

– Почтовая станция здесь имела, – продолжал комментировать Василий Иванович. – Лошадей тут меняли. Извозчики стояли, значит.

– Когда это было-то? – поинтересовался Штейн.

– В позатом веке, – мимоходом обронил Василий Иванович и продолжил: – Случай тут однажды произошел. Вам интересно будет. Ехал немец с казной...

– Мама! Папа! Дядя Вася! – неожиданно заорал Ленька.

Взрослые кинулись к мальчику и обомлели. В зарослях чертополоха посреди деревни стоял старый, но крепкий и, судя по всему, жилой дом. Впечатление усиливалось тем, что крыша его была увенчана деревянным, потемневшим от времени куполом.

– Кумпол. Под кумполом домик. Заходить туда не надобно, – скорбно возвестил Василий Иванович.

– Слышь, Вася, – подумав, начал Штейн. – Времени шесть. До Руси мы сегодня точно не доберемся. В темноте по лесу идти... С ребенком...

– Мне что, – пожал плечами Василий Иванович. – Ночуем. Располагайтесь. Я пока до речки смотаюсь. Посмотрю.

Дом был крепок, но пуст.

Скорее всего, он перестал быть часовней еще до того, как оказался покинут своими жильцами. Никаких предметов церковной утвари в нем не было и в помине. Зато посреди единственной комнаты стоял крепкий стол и несколько свежих табуретов. Окна не то дома, не то часовни были расположены выше человеческого роста. До потолка здесь было, как успел заметить Штейн, метра три с половиной.

Осмотрев нехитрый интерьер, Ленька отправился гулять дальше, прошел вдоль деревни и оказался у развилки. В кустах увидел останки дорожного столба. Пробравшись сквозь бурьян, без труда отодрал табличку. Надпись на ней от времени стерлась. Но какие-то буквы вполне можно было различить: «С...н...к...»

– Давай пожрем, что ли, еще, пока этот придурок на речку бежит, – предложил Штейн жене, имея в виду Василия Ивановича. – Кормить его каждый раз...

Верочка кивнула и пошла на улицу: за продуктами и за Ленькой. По пути она обвела бдительным оком окрестности в поисках Василия Ивановича, которого Штейны из «подростка» прочно переименовали в «придурка», но не увидела никого. Ленька тоже нашелся не сразу. Искушенный комарами, он примчался откуда-то, держа в руках табличку.

– Где был? – хмуро поинтересовалась мать, вытаскивая из «Джипа» термос, более напоминающий ведро.

– Гулял. Смотри че нашел...

Мать отмахнулась.

Однако отец оказался более внимателен к находке.

– С...н...к... – ни фиги не видно. Слушай, у меня же лупа в машине лежит. Мощная! Специально взял.

– Сначала ужин, – веско произнесла Верочка.

– Я чего... Я ничего... Ваське меньше достанется.

Но Васька во время ужина так и не появился.

Чай с бутербродами рубали в полном молчании. Штейну не терпелось лучше рассмотреть табличку, найденную сыном. Ленька поддерживал отца. Верочка думала, как ей все это осточертело.

– Все. Спасибо! – возвестил Штейн и ринулся на улицу.

Ленька помчался следом.

– Лупа... – Штейн хотел что-то добавить, но оглянулся на сына и крикнул. – Вот же она! Давай... погоди... Свет включу...

Ленька наклонился к табличке и задышал отцу в ухо.

– Че-то проглядывается... Соты... Не... Сото...

Верочка, подошедшая к машине, чтобы сложить в багаж пакеты, тоже наклонилась над артефактом, но тут же отпрянула...

– Ты чего? – хором вскрикнули отец и сын.

– Сотонинска, – выдохнула Верочка и вдруг заплакала.

– Ну урррод! – завопил Штейн и сжал кулаки. – Ну задам я ему... Философская... Филосовская... Куда завез...

– А она Философская и есть, – раздался за спиной у Штейнов виноватый голосок, отчего все трое подпрыгнули и завопили: – Ой!.. Прощенья просим. Тихой сапой подошел. Аки тать в нощи.

– Да какая же она... Философская, – потеряв терпение, вскричал Штейн и схватил Василия Иваныча за грудки.

– Пусти-ка, дядя. Я маленькой, да хваткой, – неожиданно разозлился любитель старины. Верочка, почуяв неладное, встряла между ними.

Ленька топтался в стороне.

– Понимать надо! – успокаиваясь, взвизгнул Василий Иваныч. – У любой деревни два имени. Одно как прозвище, другого – в документах.

– Так Философская же в документах. Сам говорил! – опять вскинулся Штейн.

– Табличку спутали. Хотели переделать, да рукой махнули. Местные знают. Пришлым наплевать. А ты драться, дядя!

Верочка успокоительно положила руку водителю на плечо:

– Пошли, покормлю, дядь Вась.

– А что? Покормлю – это дело. Да и на Мертвую Голову!

– Нет! – отрезала Верочка. – И Леньку не пущу!

– Ну... Мы это... Вдвоем... – осторожно начал Штейн.

– Мне что... Вдвоем так вдвоем! – который раз обиделся Василий Иваныч. – Сами сказали: анти-ре-суемся... И чего...

– Идите. Идите! – махнула рукой Верочка. – Я ничего не говорю. Только вот мне на сегодня приключений хватит. Ладно, пошли ужинать, Мертвая Голова.

Дядя Вася хехекнул и подмигнул насупившемуся Леньке.

Через полчаса Штейн и любитель старины растворились в лесу...

– Ну давай, рассказывай, краевед-любитель.

– Чего рассказывай?

– Про Мертвую Голову.

– А-а... Это знамо. Давай присядем, дух переведем.

Штейн и Василий Иваныч расположились на стволе бурелома.

– Есть время рассиживаться-то? – заворчал Штейн.

– Не бряжжи, паря. Развороты у меня уже не те, – вздохнул любитель старины. – Слушай. Давно дело было. Плыла по реке баржа с купцами. Здесь ить водный путь был. Из Белого моря – в Баренцево. Из Баренцева – в Атлантику...

– Че-то загибаешь ты, Вася, – хмыкнул Штейн, отчего любитель старины вскочил и ткнул себя сухоньким кулачком в чахоточную грудь.

– Я никогда не вру. И ты этого не говори. А только водораздел тут. Один он такой в Расеематушке. И еще два по миру наберется...

– Все, все, – махнул рукой Штейн.

– И вот шла по реке баржа с купцами, – с трудом отходя от обиды, продолжил Василий Иванович. – Шла-шла, да и затонула.

– Что, здесь?

– Через версту. Мертвая Голова место и назвали.

Штейн покачал головой:

– М-да. Невеселое место.

С этими словами продолжили путь.

– А река не успокоилась, – чирикал Василий Иванович, вышагивая рядом с грузным Штейном. – Каждый год здесь кто-нибудь тонул.

– Каждый? – беседа начала утомлять Штейна, и он положительно не понимал, зачем прется туда, куда ведет его «придурок». А ведь еще и обратно шагать.

– И только в одном году утопленников не было, – жутковато вытянул любитель старины.

– В девяностом?

– В одна тысяча девятьсот сорок первом.

– Примета, что ли, какая?

– Да. Ежели купцы к себе никого не забрали, война будет. А опосля войны опять тонули. Потом закрыли купанье здесь. Это при мне уже. Но кто ж караулить зачнет? Всплывали мазурики. Туристы которые. Ой! И засыпать ее хотели. И еще чего... Все бесполезно. А вот и она...

Василий Иванович и Штейн вышли к Мертвой Голове. Место это не произвело на Штейна не то что особенного, но и вовсе никакого впечатления. Река и река. Быстрая. Порожистая. Значит, есть вьюны. Значит, можно утонуть. Вдобавок берег каменистый. Вода при таком течении должна быть холоднющая.

– Ну и чего ты притащил меня сюда? – повернулся Штейн к Василию Ивановичу, но вопрос замер у него в горле. Любитель старины стоял перед ним абсолютно голый.

– А ну айда купаться! – ребячески махнул рукой незатейливый гид. – Водичка лед – яички жмет...

Захихикав, Василий Иванович пустился вприпрыжку к реке.

– Эх, не потону, дак грехи простятся. Еще одно повериеееее! – весело проорал он, исчезая под водой.

– Стой, стой, придурок...

Штейн поймал себя на том, что стоит на краю берега, сжимая в руках тряпье, которое служило любителю старины одеждой. Раздраженно и с отвращением отбросив чужую одежду, Штейн уселся на камень и стал ждать, когда Вася натешится водой. Но «придурок» и не думал выныривать, и через пять минут Штейн твердо понял, что Вася утонул...

– Рвем отсюда.

Верочке на этот раз не требовалось никаких дополнительных доводов, чтобы, схватив Ленку и спальный мешок, оказаться в машине и через тридцать секунд прыгать по проселочной дороге в направлении шоссе.

Езды было где-то на час, но только в полночь Штейн с Верочкой смирились с тем, что заплутали. Причем, судя по тому, что машина уперлась в непроходимые заросли, до которых ранее путешественники не добирались, заблудились прочно и надолго.

Верочка вопросительно посмотрела на мужа.

– Спать, – сказал как отрезал Штейн, откинулся на сиденье и захрапел.

Верочка забылась лишь под утро.

В лесном сумраке ей чудился мертвый придурок Вася, который наклонялся к лобовому стеклу и беззвучно шевелил губами.

Через пару минут после того, как Верочка клюнула носом, Ленка открыл глаза, потянулся, отчего проснулся окончательно, заерзал на сиденье, открыл дверь и вышел из машины в набухающий маревом рассвет...

Они искали Ленку у машины, под машиной, в лесу, в поле, до которого дошли зачем-то пешком, вернувшись километра на два, снова у машины и снова в поле.

В сумраке накотившегося вечера Штейн повернул к Верочке обескровленное, распухшее от укусов лесных насекомых лицо и прошелестел одними губами:

– Выпить дай.

Ссутулившись, Верочка побрела к машине...

– Веррррка! Веру-не-чка! – горланил Штейн, с трудом выворачивая руль. – Прошмандовочка ты моя при-вок-за-льна-я!

Верочка тихо тряслась в рыданиях, боясь хотя бы одним звуком выдать себя.

– Че молчишь, Верррка! Сынка моего про... Ик! Просрала, курррва...

Верочка глубже зарылась под куртку, брошенную мужем на заднее сиденье.

– Ничче. Шас другого... Смастырим... Аха-ха-ха-ха...

С намерениями темными и неясными Штейн ударил по тормозам, но спяну не рассчитал и, врезавшись носом в руль, потерял сознание.

Выждав пару минут, Верочка перебралась на переднее сиденье, с неожиданной легкостью перетасила бесчувственное тело с места на место и села за руль. Через минуту из темноты выплыли контуры Философской. И Верочка вздрогнула. В окнах «их» дома горел свет. Поначалу Верочка решила не останавливаться, но тут муж зашевелился на соседнем сиденье. Ехать дальше становилось опасным. И не менее опасным – чувствовала она – было останавливаться здесь. Но Верочка остановилась.

На крыльце бывшей часовни сидел человек. Он был высок и грузен так, что сам Штейн, с мычанием выбравшийся из машины, казался по сравнению с ним цыпленком.

Впрочем, Штейн упрямо не замечал великана.

– Шшо жи мне сниллсь. Шжо жи мме сснллсь... – повторял и повторял он.

– А вот и гости! – пробасил великан. – Любка!

Любка, оказавшаяся фигуристой блондинкой, выпорхнула из домика и закружилась вокруг Штейнов и мужа со звучной фамилией Пузырев.

– Ой, как хорошо! Хорошо-то как! А то нам здесь до того тоскливо сделалось. Темно здесь и невесело. Всю ночь ни в глазу ни в жопе.

– А у нас... сыночек... – начала Вера.

Но Штейн не дал ей договорить:

– Верка, дуй за водкой... Значит, слушайте. Снилось мне, что я ночую в этом доме. И во сне вижу еще один сон. И в этом втором сне старик без... А, вы не в курсе. Хрен с ним. Старик безногий...

Неожиданно Вера поймала себя на том, что не может больше говорить о Ленке.

Тем временем Штейн продолжал:

– И вот безногий говорит мне, что в подвале – клад. Потом я возвращаюсь в первый сон. Спускаюсь в подпол, землю рою. Раз – лопата обо что-то стукнула. Железный сундук. Я его открываю, а там...

– Золото-брильянты! – хором выдохнули великан и Любка.

– Деревянная чурка.

– У-у... – разочарованно выдохнули супруги.

– И вдруг – чурка открыла глаза...

Посреди ночи у компании закончилась последняя свечка. Тогда-то, хлопнув еще по стакану, Штейн и Пузырев решили жечь костер прямо здесь, притащив из машины Пузыревых мангал. В ход пошли табуреты. Потом Пузырев, который нес больше Штейна хотя бы потому, что пить начал позже, вышел из дому и вскоре вернулся с огромной охапкой сушняка.

– Сгорим же, – пискнула Верочка, но умолкла, получив от мужа увесистую плеху.

– Не ссы, подруга, – подмигнула ей Любка. – Простудишься!

А когда запалили костер, в голову не слишком честной компании пришла еще одна мысль.

– Че сидим как на похоронах! – пьяно расхохотался Штейн.

Правда, слово «сидим», он уже говорил как «сдм».

После этого Штейн ринулся на улицу и включил в машине сабвуфер.

– Танцы! – заорал Пузырев.

– Стоп-стоп! – запротестовала Любка. – А она – не пьет!

И Любка показала пальцем на Верочку так, словно обвиняла ее во всех смертных грехах человечества. Штейн, который пришел с улицы не с пустыми руками, сунул жене под нос открытую бутылку водки.

– Пей, сука!

Верочка посмотрела на мужа так, словно видела его в последний раз, потом взглянула на бутылку и неожиданно привычным каким-то движением запрокинула ее вверх, жадно распахнув губы навстречу огненной воде...

– Танцы! – заорал Пузырев.

– Я это где-то уже видел, – хихикнул Штейн и отправился в угол с явным намерением помочиться.

– Стррриптииз! – взвизгнула Любка и через голову стянула с себя потрескивающую от статического электричества олимпийку.

Еще через минуту Пузырев стащил с себя штаны, при этом не устоял на ногах и завалился на бок, опалив от огня густые волосы на груди и чудом не опрокинув мангал. Наверное, для того чтобы спасти друга, Штейн помочился снова – на угли, которые выпали из мангала на пол.

– Смотрите! – крикнула Верка.

Правда, это звучало как «срите».

А когда глаза Пузыревых устремились к ней (муж, стоя у костра, продолжал смотреть на свой орган, словно собрался вести с ним душевную беседу), Верка, царственно расправив лопатки, без рук расстегнула лифчик.

– Хопа! – взвизгнула Любка.

– Какие они у тебя... – чрезвычайно тоненько произнес Пузырев и положил на немаленькую Веркину грудь свои ручки.

Любка пьяно захохотала, посмотрела на Штейна, подумав мгновение, махнула рукой и повернулась к образовавшейся паре.

– А давайте... нуу... втроем! – значительно произнесла она.

Это прозвучало громко и отчетливо, так, что Пузыревы с Верочкой растерянно переглянулись. Потом они поняли: просто в машине замолкла музыка – и снова расхохотались.

И в этот момент раздался стук в дверь.

– Кто там?... Войдите... – жеманно произнесла Любка.

– Час триста, – брякнула Верка не весть откуда взявшееся в голове.

– Ночь – навсегда, – воинственно продолжил Пузырев.

Двери распахнулись. На пороге стоял Вася и смотрел на пьяных и нагих совершенно мертвыми глазами.

– Ты кто? – взвизгнул Пузырев.

Вася открыл рот, из которого змеей выпрыгнул огонь и заполонил собой все вокруг...

Через десять минут рассвело.

На окраине деревни показался Ленка.

Он шел, шатаясь, осторожно переступая разбитыми, израненными ногами по сырой и острой траве.

Остановился на том месте, где совсем недавно была заброшенная часовня.

И явственно услышал, как под землей трижды прокричал петух.

2. Сергеев

– Одиночество не тяготило его. Отсутствие порока не вызывало сожаления, только саднящую где-то глубоко в сердце боль за неправду. Потому что порок был в первую очередь ложью. Отсутствие порока вызывало пустоту. И он ввел распорядок. Главным в распорядке было – не тратить денег. Деньги как таковые отсутствовали. То есть деньги, конечно же, были, но ровно столько, чтобы не помереть с голоду и постоянно чувствовать их недостаток. Впрочем, это было не важно. Не важно. О деньгах он не думал. Просто не думал. Утро было сначала томным, вялым. Утро было – чашка самого дешевого кофе. Одна самая дешевая галета. Одна самая дешевая папироса. Когда выдавали пособие, в тот день он покупал пачку хороших сигарет. Их хватало до утра следующего дня. И тогда утром следующего дня он выкуривал две сигареты вместо одной папиросы. Было это редко, раз в месяц, но курил он все-таки много. Потом утро шло живее. Он жил в деревенском доме, потому что там не надо было ни за что платить. Вернее сказать, в деревенском доме, конечно же, было за что платить, и много всего, за что надо платить, в деревенском доме еще можно было придумать.

– Свет.

– Да, свет. Он платил только за свет. Вернее, он не платил даже за свет. Все время ходил в эту гребаную контору и униженно просил, чтобы не отключали...

– Но его все-таки отключили.

– Да. И всю деревню в его лице. Так вот. Потом утро шло живее. В деревенском доме надо шевелиться, чтобы выжить. Летом был огород. Осенью тоже сначала был огород, а потом огорода уже не было. Зимой был снег. И конечно, дрова. Которые надо было сначала добыть. Лучше сказать – украсть. Вы когда-нибудь что-нибудь воровали?

– Нет.

– А он воровал. Повторюсь: чтобы выжить. Но однажды он задумался, а так ли это важно – выжить? И тогда все утро стало томным, вялым.

– А дрова?

– Что?

– Дрова.

– Он стал разбирать дом, в котором жил. Этот дом был уже никому не нужен. Никто не приезжал в эту деревню. И никогда ничего в ней уже не могло измениться. Разве что...

– В другой жизни.

– Да. В другой жизни. День был сначала томным, вялым. Потом день становился очень насыщенным. Днем он копал. Летом копать легко. Осенью сначала легко, потом все труднее. Зимой трудно. Весной – все легче.

– Я не верю.

– Чему же?

– Тому, что он постоянно копал. И это все...

– Не верьте. Мне-то что. Зачем тогда слушаете?

– Работа.

– Тогда не перебивайте. Я вам плачу за то, чтобы вы меня слушали не перебивая.

– Ок.

– Так вот. Вечер был оживленным все время. Вечером он старался как можно больше сделать до темноты. Он и в темноте продолжал копать. Но копал плохо. Потому что было темно. Ночью он спал. Крепко, без сновидений.

– А он хотел сновидений?

– Скорее, хотел подсказки, диалога. Если разобраться, он и жил так, только чтобы заработать право на сон. Он был довольно жалок.

– То есть?

– Ну, представьте, как это выглядело со стороны: какой-нибудь средней руки преуспевающий коммерс презрительно посмотрел бы на грязного, вонючего наверно... Да точно, вонючего. Опустившегося. С гнилыми зубами. Плюс – самые дешевые папиросы. Бросовый табак. Однако ночью коммерс ворочается во сне и боится, что к нему придут и отнимут у него все. Или те, или другие...

– Или третьи...

– Хехс. Точно. А он, этот, спал.

– А игра стоила свеч?

– А игра стоила свеч.

– А что он еще ел?

– В смысле?

– Вы рассказали довольно подробно, как он завтракал. А что насчет обеда...

– Ах это... Он не обедал. Он завтракал и ужинал.

– Что ужинал?

– Разное... Я говорил про огород. Летом он ел одни кабачки. С июля. Покупал семена самых крупных и плодовых. Копейки стоят. И выращивал. Картошку еще. И по мелочам. Он иногда баловал себя. Без этого не выжить. Нет ничего вкуснее молодого редиса, а молодая редька похожа на мандрагору... Он не жалел времени для того, чтобы возделывать огород.

– Его это не раздражало?

– Хлопоты, не связанные с основным делом? С делом жизни?

– Да.

– Отнюдь. Однако он стал жестоким. Как-то раз в картошке завелся колорадский жук. И он собирал этих жирных розовых личинок, прилипших к ботве, пожирающих ее... Знаете... Мерзкие личинки с ножками и такими... Присосочками...

– Знаю, знаю.

– Он поймал себя на ощущении. Ему нравилось давить их. Потом, когда личинки собраны, высыпать их на доску и давить камнем. Они лопались с мерзким хрустом. Из растерзанных тел брызгало что-то оранжевое.

– Да, неприятно.

– А однажды он прозевал, когда появились личинки. Они успели сожрать ботву на нескольких кустах. Они сожрали даже стебель, не только листья. И он взял банку, в которой были окурки... Взял банку... И бросал личинок туда. А потом закрыл банку крышкой. И все смотрел, сдохли они или нет.

– Когда они сдохли?

– На второй день. Сдохли и почернели. Так вот – картошка. Он понимал, что еда – это энергия жизни. Энергия поиска.

– Наверное, он был худой?

– Нет, ничего такого. Обычный мужик. Со стороны и не скажешь. Он ведь ходил за продуктами в ближайшую деревню. И никто не озирался. Не худой – не толстый. Не высокий – не низкий. Трезвый только все время. Это некоторых настораживало. Там пьют все – от мала до велика...

– Это стереотип. В деревне полно трезвых непьющих людей.

– Не спорю. Только не в этой. Бывают деревни, в которых теплится огонек надежды. Если не на будущее, то хотя бы на прошлое. В этой деревне надежды не было как таковой. Дело совсем не в эпохе, политике... Там действовали более древние общие силы.

– Как-как?

– В этой деревне действовали некоторые более древние и общие силы.

– Хорошо сказали.

– Это действительно так. Я про силы. А как сказал – это мне до фонаря.

– И что же случилось однажды?

– Что?

– Ну, деревню-то он все же покинул.

– Ваша правда. Деревню-то он все же покинул. В очередной раз отчаявшись добраться до того, что искал, он пошел прогуляться. По главной улице. Трава там по шею взрослому человеку. И подошел к камням. Значит, объясняю. Камни. Он их сразу увидел, когда в деревню приехал. И все собирался прогуляться до них. Через год собрался. И пошел. А это ворота. Северная часть деревни. Погост. Могилы... Если уж главная улица заросла, чего о могилах говорить. Но он нашел несколько могил. И задумался.

– Задумался о том, копать ли на кладбище?

– Совершенно верно. Решил копать и пошел за лопатой. И прошел через эти ворота.

– И что?

– И все. Что-то сломалось в нем. Или, может, на место встало. Вернулся домой, собрал вещи – и навсегда ушел из этой деревни.

– И пришел сюда.

– Через некоторое время. И вот он ждет, что вы ему можете сказать.

Тут я выдал довольно шаблонную фразу:

«А паспорт ваш, мужчина, покажите, пожалуйста!»

Мужчина за обшарпанным кухонным столом пожал плечами, вытащил паспорт и протянул его мне. Я полистал корочки и задумчиво выговорил:

– Вот что я понял бы... Если бы сейчас передо мной сидел Виктор Штейн. Или Вера Штейн. Или Ленка Штейн. Проблема в том, что, по паспорту, передо мной сидит Сергеев. И как же вы, милейший, можете все это мне объяснить?

Сергеев пожал плечами:

– Человек я одинокий. И раньше очень сильно пил. У меня была семья: жена, сын, мать-старуха. Мать, конечно, не всегда была старухой. Старухой она стала, когда я начал закладывать за воротник. А точнее говоря, пить по-черному.

– Каждый день бухал? – сочувственно поинтересовался я.

Сергеев кивнул:

– За день успевал напиться три раза. И ночью еще догонялся.

– Откуда деньги?

– После того как меня вышибли с работы, я обворовывал жену и мать.

– Однажды...

– Однажды у меня умерла мать.

– Сочувствую.

– Точнее сказать, однажды я убил свою маму. Довел до разрыва сердца, – голос Сергеева дрогнул, но он продолжил: – Потом мы продали квартиру и вместе с семьей переехал в деревню. Жена верила, что мы это делаем для того, чтобы начать новую жизнь. Но ведь я же был параноиком. Я все спланировал заранее. В деревню мы ехали, чтобы хватало на что пить. Мне.

– Они это поняли?

– Жена и сын? Да, быстро довольно. И сбежали. Помню, как сын махал рукой. Мне. Словно не хотел уезжать. Через неделю я написал им письмо. Но так и не отправил.

– Они разбились?

– Если бы. Они... пропали.

Мне стало его по-настоящему жаль.

Я там не знаю, как это будет на языке научной «дерминологии», но по-человечески Сергеев был глубоко несчастным человеком. В юности он пил запоями, вследствие чего сошел с

ума. Пока были живы его родители, они заботились о пропащей душе. Но родители умерли. Сергеев остался со своим безумием один на один. И, естественно, проиграл. Несмотря на все его «старания», у него было абсолютно здоровое сердце, чистые легкие, кровь бегала по жилам, аки спринтер (который с допингом). Печень Сергеева подошла бы любому жизнерадостному призывнику, равно как и желудок. Про остальное не знаю, но подозреваю, что там дела обстояли как минимум не хуже.

Так вот, все у Сергеева было в норме, кроме одного-единственного винтика-шпунтика, который все дело сгладил. Самое главное, что Сергеев отлично про этот шпунтик знал, но вставлять его на место или не собирался, или же просто не мог...

Я откинулся на стуле, отчего стул едва не откинулся сам по себе, и с деланным терпением (надоел мне уже этот Сергеев) предложил:

– Давай сначала.

В эту минуту, которая в нашей общей жизни, Сергеева и моей, повторялась уже десятый раз (по числу лет, которые мы знакомы), он откашлялся и начал, вернее, продолжил:

– В результате хронического алкоголизма я страдаю маниакально-депрессивным синдромом, сущность которого состоит в следующем. Тогда как мы с женой разведены, а наш единственный сын проживает вместе с ней в другом городе, где они живы и здоровы – слава Господу! – я нахожусь в твердом убеждении, что увез их в деревню, разорил до нитки, затем довел до такого состояния, что им пришлось от меня бежать. Они уехали и потерялись. То есть пропали без вести. В твердой уверенности, что они погибли, точнее, были убиты неким маниаком, я провожу раскопки в окрестностях той самой деревни, в которую их завез...

Я жестоко пожал плечами:

– Несостыковочки получаются. Не-со-сты-кун-чи-ки. Убили их, если убили, где угодно: в лесу (там же через лес надо ехать), у дороги... В кусты бросили... Не знаю. А ты раскапываешь деревню. Вот уже несколько лет заброшенную и нежилую. С очень лирическим, кстати, названием – Философская.

(Сейчас он перегнется через стол и схватит меня за грудки.)

Тут Сергеев перегнулся через стол и схватил меня за грудки:

– Да не Философская, идиот. Сатанинская она. Или по-старому Сотонин-ская. И я не Сергеев. А – Штейн. Виктор Штейн. Витька... Штейн. Завгар автомастерской. Я подобрал привокзальную проститутку и сделал из нее жену. Которую любил. И она родила мне сына. Ленку...

(Через пять минут он, рыдая, затрясет головой и скажет, что на самом деле он Сергеев, а то, что я слышу, следствие маниакально-депрессивного синдрома, вот он, кстати, уже подходит к кульминации своего рассказа...)

– ... открыл свои мертвые глаза... В них плясали языки пламени. Через минуту все вокруг было объято огнем.

– Дальше.

Сергеев, который пока еще был Штейном, глядя в одну точку, находившуюся в районе моей переносицы (это тяжело, когда тебе остро смотрят в переносицу, это почти больно), закончил:

– Я очнулся лежащим на земле. Искусанный комарами и мошкой. С больной головой. Один. Но не это главное.

– А что?

– Под землей трижды прокричал петух.

– Дальше, дальше...

– Я бросился искать людей. Сутки продирался через лес...

– Дорога же до Философской есть... Или была...

– Н-не знаю. Не помню! Через сутки вышел в какую-то другую деревню. На берегу сидели мужики. Я спросил, где нахожусь.

– А они?

Сергеев вздохнул и шелкнул себя по шее.

– Очнулся в наркологии. Ругался... Кричал... Менты приехали... По моим подсчетам, два месяца я из той деревни выбирался. Но это все ерунда. Врач мне сказал такое, отчего я завыл во весь голос.

– А теперь громко и внятно повтори, что сказал тебе врач.

Сергеев затравленно оглянулся и прошептал:

– Моя фамилия Сергеев. Мне тридцать пять лет. Я страдаю маниакально-депрессивным синдромом на почве хронического алкоголизма. Никакого Виктора Штейна в природе не существует. Все.

И он заплакал. Все сильнее и сильнее. Еще через пять минут он сунул мне сиреневую купюру и вышел не попрощавшись. Он вернется через год. День в день. Об этом точно знал и он, и я. Однако о Сергееве я вспомнил через две недели после его визита. Сначала косвенно, а потом уже и прямо.

3. Находка

В ящик, обычный, железный, ржавый, неприятный на ощупь, я время от времени заглядываю. Причем одно время у меня было подозрение, что в этот ящик мочатся все кошки нашего подъезда. Потом это подозрение рассеялось, потому что я выяснил, что в мой почтовый ящик мочится только один кот. Но толстый и рыжий.

В почтовом ящике я обнаружил что-то вроде рукописи. Видимо, она была очень древней, поскольку пахла таинственно и неприятно. Я отнес эту особенность рукописи на счет кота, который высокомерно посматривал на меня с перил и получил по хребту, как выяснилось впоследствии, абсолютно безвинно. А я, бормоча проклятия в адрес хозяев, не следящих за своими домашними хищниками и грызунами, поднялся по лестнице на последний, пятый этаж хрущобы и в гневе захлопнул за собою дверь.

Обнаружив в морозилке, напоминающей о ледниковом периоде, пачкупельменей, я с ликованием мамонта водрузил на плиту, фото которой могло бы стать сатирическим плакатом об антигигиене, кастрюлю (драма ее заключалась в том, что повальное увлечение джазом осталось в прошлом).

У пельменей – блюда, которое для меня находится вне конкуренции и по рейтингу может соперничать лишь с яичницей, и то отдаленно, есть, однако, один недостаток. А именно – ждать.

Тут я вспомнил о посылке.

Взял ее со шкафа в прихожей (шкаф так и тянуло назвать «многоуважаемым»), уселся на табурет, скрипящий о брэнности человеческого существования, и погрузился в рукопись.

4. Рукопись

Сашка пас коров уже неделю и думал, что лучше пастуха, чем он, нет на белом свете.

Вечером его усаживали за стол то в одной избе, то в другой.

Коровы были как коровы. Своя животи́на была и в Сашкином дворе, и обиходить ее он умел еще сызмальства. Теперь же ему шла пятнадцатая весна. Чужие представлялись ему как свои. К тому же помогал Трезор, опытный пес. И только одна корова, Пеструшка, все норовила пощипать травку где-нибудь поодаль от остальных. Однако и в озорстве Пеструшки был свой

порядок. С поля уходила она то к реке, то к лесу, то к небольшому холму в версте от стада. И Сашка говорил ей, когда искал и находил:

– погоди, я с тобой уже справлюсь!

Только одно не давало ему покоя.

Старый Никифор, что занемог ногами и обратился к общине с просьбой о замене, сказывал, что пастуху перво-наперво надо сходить к Дворянше.

Дворяншей звали старую старуху, неопрятную и вечно пьяную. Жила она в покосившейся хибаре на самой окраине деревни.

– Сходи, – говорил Никифор, – в пояс поклонись, принеси медовухи да выпей с ней чарочку. А как скажет: «Поди, сделаю», – тогда и ступай.

– Еще! – заносчиво кричал Сашка. – Я к дому-то ейному подойти не могу. Наблевать воротит.

– Набле-вать! – грозил батогом Никифор. – Смотри! Не сходишь – худо может быть.

Но Сашка во всякие рассказы не верил. В церковь он ходил исправно. Семья Сашкина была крепко верующей. И, как часто бывает в таком разе, семья Сашкина была очень бедной. Он рос седьмым ртом в голодной, но не злой ораве. И однажды батька его, Тимофей, покрывив рот, сказал за столом при всех:

– Ну вот что. У меня семеро по лавкам, а вот у брата, Митрия, пусто в избе. Поди-ка ты к нему, Олександр, на подмогу и пропитание.

Как хотелось Сашке крикнуть обидное, а потом убежать куда глаза глядят... Но делать нечего. На следующий день он сидел за столом уже в другом доме. Тоже добром, но не родном.

А через год случилась беда. Митрий погорел и сам был вынужден пойти по миру. Сашка вернулся в родной дом. И снова отец покрывив рот сказал новость...

Так Сашка стал общественным пастухом.

– Эй, паря, иди, чего скажу...

За мыслями он не заметил, как коровы послушно вошли в деревню.

Сашка повернул голову.

На трухлявом шатком крыльце сидела Дворянша. Грязные седые патлы развевались по ветру.

– Подь, не укушу...

И Дворянша раззявила беззубый слюнявый рот.

Дворяншей ее прозвали в насмешку. За безделие. Отец Дворянши был пришлый. Его изгнала за пьянство община, и он прибил к этим местам, но к работе так и не прикипел. Взял в жены местную кликушу. Нажил дочку. Да и утонул с пьяных глаз в реке.

Как нарекли Дворяншу, никто не мог вызнать ни у вечно пьяного отца ее, ни у полоумной матери. И совершенно точно, что девочку не окрестили в церкви. Местные жители жалели ребенка и крутили пальцем у виска, повторяя:

– Сами-то, ошалопки, сходили б с ума, а сирота при чем?

Но с дитем, когда девочка стала входить в года, начали происходить странные вещи. Старожилы вспоминали, с чего все началось. Посреди деревни сирота плюнула в глаза соседке. По малолетству та дразнила ее за лохмотья и чумазое лицо. И в тот же вечер за столом соседская девочка не своим голосом завопила:

– Лебеды хоцу! Лебеды дайте! Лебеды желаю!

Икота, как называли эту жуть, у девочки не прижилась. Наутро она и вспомнить не могла о своей дураковине. Никто бы и не догадался, откуда взялась напасть, если бы все не повторилось точь-в-точь. Девочка снова подразнила сироту, та плюнула ей в глаза – и опять началось. Только теперь уже не проходило ни наутро, ни к вечеру следующего дня.

– Сходить надо, повиниться, – советовали родителям несчастной.

И родители пошли кланяться кликуше.

– Кудах-тахтах! Медовухи тащите.

Принесли медовухи.

– Кудах-тахтах! Дочка, пей!

Сирота выпила полный ковшик.

– Кука-реку! Прощай соседку.

– Ну прощаю... – сказала сирота.

И девочка снова стала собой.

С тех пор кликушин дом обходили стороной. Потом кликуша померла. Сироту подкармливали и шутили, что худ мир, если до смерти сироту не докормит. В насмешку нарекли ее Дворяншей. И кличка эта обидная, потому что не ведомая: не было барщины в этих северных краях – государственные были крестьяне – так вот, кличка эта присохла на взрослеющей, а потом стареющей местной сумасшедшей. Дворянша переняла все матушкины повадки. Но кое-что к этому добавилось.

Однажды Дворянша вылечила соседскую корову. Об этом никто не просил. Пришла, когда захворавшую животину сподобились бить, обвела всех мутным глазом, завывала:

– Эрр-руу! Завтра загрызете!

И начала шептать. Корова к вечеру оклемалась. К Дворянше стали бегать то с одного конца деревни, то с другого, а то и с соседних деревень. За помощь она брала едой и медовухой. Не обошлось и без злых людей. В одной деревне, когда Дворянша поправила корову, ей налили ковшик браги, а вот поесть не дали. Дворянша выплюнула брагу через левое плечо. К утру корова сдохла.

– А я что? Эрррууу? Я ничего. Надо было загрызти, загрызти, загрызти... – выла Дворянша на разъяренных хозяев.

В делах плохих она никогда не сознавалась. Но все знали, что плохие дела она творит чаще, чем хорошие. И что это больше подходит к ее злему озорству...

– Подь, – еще раз повторила Дворянша.

Сашка вспомнил слова Никифора и решил все-таки подойти.

– Гхы! – солидно откашлялась Дворянша.

Сашка с трудом поборол подступающую тошноту.

– Пригожий какой!

И Дворянша посмотрела на Сашку так, как на него смотрели девки и молодые бабы. Тут уж он не сдержался, блеванул как надо.

– Ай, – захохотала она. – Смотри! Не понравилась краля.

Потом повернулась и пошла к своей хибаре.

– Смотри, паря, – обронила Дворянша не оборачиваясь. – Как ты ко мне, так и я к тебе. Тут она остановилась и посмотрела на Сашку через левое плечо...

Следующий день выдался не по-летнему зябким. Сашка гнал коров, кутаясь в дырявый кафтан, который donaшивал за отцом. Придя на место, скорее развел костер. Коровы понуро разбрелись по лугу. День тянулся мучительно долго. Клонило ко сну. Сашка согрелся у костра и прилег. Думалось об одном: что будет, когда закончится лето. Что будет? Куда снова отправит его отец, покривив рот?

Пытаясь отогнать от себя эту мысль, Сашка заснул. А когда проснулся, в ужасе понял, что не владеет руками. Пальцы шевелились, а вот сами руки, скрученные острой болью, проходившей по спине, были неподвластны своему хозяину. Он открыл глаза, с трудом повернул голову направо, налево – и понял, что случилось. Через рукава кафтана был продет кол, сковавший Сашкины движения. И вдруг он вскочил как был, пораженный странной тишиной, повисшей над лугом, и бросился бежать к лесу, но застрял между первых деревьев, едва не сломав себе руки и спину от этого удара. Тогда он повернулся боком. Так и ходил по лесу, сзывая коров. Но тщетно. Коровы пропали...

Коровы нашлись. Они сами прибрали домой. А мужики уже собрались искать пастуха, будучи твердо уверены: с ним случилось неладное. Когда же он появился на косогоре, толпа сначала замерла, а потом дрогнула от дружного хохота. Сквозь хохот вдруг прорезался крик:

– Смейтесь! Смейтесь! А наша коровушка... Кормилица наша где же? – кочетом насккивал на толпу хозяин Пеструшки.

Мужики усмирили его, сказав коротко: «Найдется и она». И пошли к Сашке, чтобы вытащить из кафтана кол.

Событие это спихнуло в избитую колею Сашкину жизнь. Покрывив рот, отец сказал:

– Вот что... Иди к Дворянше. Мы помолимся за тебя, парень.

И Сашка пошел к Дворянше.

– Кавалер! Кавалер! – завизжала она от крыльца и омерзительно захохотала.

– Я... Это... Повиниться... – выдавил из себя Сашка, ставя перед собой бутылку медовухи. – Простите меня, тетенька.

– Заходи, по чарочке выпьем, а то и говорить не буду, – махнула рукой Дворянша.

И Сашка, нагнув голову, чтобы не удариться о низкий косяк, ступил в хибару. Там было неожиданно чисто. И пахло вполне приятно. Травами. На столе стояли две чашки.

– Садись, – хлопнула его по плечу Дворянша.

Что-то странное случилось от ее первого прикосновения. У Сашки закружилась голова. И он... улыбнулся.

– То-то, – проворчала старуха.

И захохотала, вспомнив прошлый случай.

– Пей, – сунула она в руки парню чашу с медовухой.

Медовуху ему доводилось пить дома, когда он заходил в кашле и всю зиму не слезал с печи. Но эта была другая, особенная. Голова пошла кругом еще сильнее. И Сашка уже не улыбался – смеялся в полный голос. А после второй чашки заснул прямо за столом. Сон был темным и пустым. Проснулся Сашка от ощущения тоски и тревоги.

– Эй, паря, – трясла его за плечо Дворянша.

Сашка с трудом оторвал голову от стола.

– Ну, иди домой. Вставать завтра тебе рано. Стадо в сборе.

Этим же вечером Пеструшка нашлась...

К Дворянше повзрослевший Сашка зашел в конце лета. И снова его отправил к старухе отец.

– Лето перебился – поблагодари, – сказал он и перекрестился: – Прости нас, Господи!..

– Заходи, – слабо крикнули из глубины дома, когда Сашка постучал в дверь. – Заходи, Сашка.

Он нашел Дворяншу на печи. Она охала, держась за грудь.

– Помираю, – выдавила старуха. – А ты... Чего... Ставь...

Сашка послушно поставил бутылку на стол.

– Садись...

Он присел на скамеечку в углу.

– Сашка... Не мучь, пособи... Прими от меня...

Он в ужасе вскочил. В голове всплыли рассказы о колдунах, которым перед смертью надо было передать кому-то свой темный дар.

– Чего испужался? Подойди... Подойди, говорю...

Сашка подошел к печи. Дворянша схватила его за руку своей исхудавшей лапой. В голове сладко запели птицы. Он увидел поле, в котором росли цветы. Один из них был несказанно хорош, и Сашка потянулся за ним, но цветок пропал. Зато под ногами сразу вырос другой, краше первого, но черный.

– Бери... Бери цветок... – хрипела старуха.

И Сашка нагнулся за цветком...

Когда на третьи сутки, пьяный, он припелся домой, отец, покрыв рот, сказал:

– Что ж, сын... Я все слышал, кое-что знаю, а об остальном догадываюсь. Был ты христов Сашка, а стал – чертов запивашка. Поди прочь со двора.

И запивашка с песнями пошел по деревне...

Начало было веселым, но июльская жара быстро выпарила остатки хмеля и заставила сердце биться так, будто оно вот-вот выпрыгнет из груди.

– Эй, запивашка! – окликнули его соседские мужики. – Яму выгребную вычисти. Браги нальем.

И он полез вниз, чувствуя, как в выгребную яму превращается его душа...

А когда все выгребные ямы были вычищены, мужики, собравшись скопом, вытолкали Сашку за околицу. Вытолкали батогами, брезгуя прикасаться к нему. Вытолкали со смехом. Вытолкали насовсем. И он побрел себе по дороге. Потом свернул в лес. Выбрал дерево и развязал пояс. Смастерил петлю. Накинул на сук. В душе не было ничего, даже обиды.

– Стой-ка!

Сашка медленно повернул голову и увидел Дворяншу.

– Тетенька, ведь ты умерла.

– Умерла-умерла. А только за все угощенья испей чарочку и моего меду.

И старуха, словно совсем живая, протянула ему ковшик.

– Выпей, полегчает. А то вон чего удумал. Рано тебе еще. Пей и поспеши, пока мой дух не выветрился.

Сашка послушно запрокинул голову. Нутро вспыхнуло и разгорелось с новой силой.

– Спасибо, те...

Но Дворянши уже и след простыл. Тогда Сашка вышел на дорогу и поворотил к деревне.

– Эй, нечистый, куды тебя принесло! – оклинул его у околицы старик Никифор, который мучался от неловкости, что стал невольной причиной Сашкиной медленной гибели. – Прибьют мужики. Уходи скорей.

– Хорошо, дедушка, – кивнул Сашка. – Только своих навещу.

– Да и не твои они теперь, – стал было возражать Никифор, но махнул рукой – мол, все равно пропадать парню.

И Сашка пошел к своим.

Потом оглянулся и посмотрел на старика через левое плечо.

Никифор схватился за грудь, упал на дорогу и захрипел.

– Дедушко! Дедо! – со всех ног бежали к нему деревенские ребятишки...

Дольше всех полз отец. Но и криворотого скрутило на пороге поскотины.

Тем временем Сашка запряг лошадь в телегу, пытливым взглядом оглядел клячу и повозку со всех сторон, покачал головой.

– Ну ничего. Сгодится на перво время. Нюно. Ступай, холера...

Через сутки он вез первых пассажиров.

– Что полыхало? – кивнул Сашка на восток.

– Русь, – ответил хмурый пожилой мужик. – Мор тама. Вот и пожгли соседи. Гибло место.

– А народ?

– И народ.

– Всех?

– Знамо всех, – ответил второй попутчик, сын мужика. – Ни полотна, ни образа. Уж соседи старались...

На дорогах был толстый слой обледевшего снега, укатанного широкими полозьями дровней, но полозья саней были немного уже, кроме того, под них приделывали железные полосы, которые называли тормозами. Они действительно тормозили и не давали саням рас-

катываться, если дорога имела поперечный уклон, или на поворотах при быстрой езде. Но и слой обледеленного снега сани разрезали до самой земли. Полозья саней утопали в снегу, и сами сани ползали на брюхе.

По обе стороны деревни стояли девки на выданье и ждали. Пригласят, прокатят, сосватают. И ничего, что лошадь в открытой кибитке может фыркнуть в лицо седоков или обмазать их спины теплой слюной.

В кольцо, образованное подводами с седоками, въехать было трудно. Теснота – а ехать надо. Ведь в кибитке... Черные сапоги с длинными голенищами, с напускными или высокими подборами, широкие суконные штаны, суконный же, не по зимнему холоду жилет да лихо заложенная набекрень фуражка на голове.

Или уж попроще. В длинной сибирке... В кафтане понитке... В полушубке овчинном.

Штейн залюбовался на русский праздник. Особенно – на русских девушек. Пальто в талию, такие же шубки и широкие юбки, собранные по талии, делали их похожими на городских барышень.

Штейн готов был уже пуститься в пляс. Но ему пора было уезжать. В праздник. Так решил он сам. Чтобы лучше запомнилась русская деревня, в которую он уже вряд ли когда-то вернется.

И вот около него, стоящего в стороне, остановились дровни.

– Ехать куда? – поинтересовался хмурый парень, молодой, но с печатью ранней угрюмости на лице.

Угрюмость эту, звериную почти свирепость, Штейн не раз замечал у русских деревенских жителей, большей частью почему-то среди молодых...

– А что за одежда на тебе? – поинтересовался Штейн через полчаса пути до почтовой станции со странным, напоминающим о далекой и родной Германии названием – Философская.

– Это? Совик называется. А слышь ты, удобно. Ни пуговиц тебе, ни застежек. А накидывается с подола. И капюшон тут тебе. Пускай дураки перед девками форсят.

– Ты чего такой злой?

– Я, дяденька, не злой. Верней, злой, да не на тебя.

– Что ж тогда?

– Я запивашка.

– Это... как?

– Вино пью. И, чувствую, допью, что скоро меня не станет.

– Потому и злой?

– Злой, что выпить охота, да выпить не на что. А на девок – плевать. Моя девка – добрая чарка. Одно плохо – продажная девка этта.

Штейн задумался.

И задумался, как это бывает у немцев и русских, надолго.

Сидел и размышлял о том, что он тоже, в некотором роде, запивашка. Но запивашистость его другая. Он авантюрист. Авантюрист из числа богатых и бесящихся с жиру – а Штейн это понимал, понимал прекрасно. Совсем не клады привели его в Богом забытую северную губернию. А жажда самого студеного севера. И, может быть, именно поэтому он нашел клад.

– В Питере я прослышал об огромных сбережениях в золоте, которые ваши купцы из староверов прятали в подполах, – рассказывал Штейн вознице еще через час.

Так же, как и русские, немцы бывают излишне разговорчивы.

– Тю-ю! – слышал и я эту байку, – ухмыльнулся возница и презрительно сплюнул. – Слышал и даже пробовал искать по старым домам. У нас после холеры деревни целые пустые оставались – не то что дома.

– И ничего?

Возница лишь рукой махнул.

– А мне повезло. Летом я остановился в заброшенном доме. В этой деревне, как ты сказал, много старых и пустых домов. Изготовился копать. И даже нанял людей. Двоих мужиков мне община выделила. Договорился со всеми и обо всем... И лег спать. А во сне вижу дом этот... За столом старик сидит. Безногий. Грибы чистит. Посмотрел на меня. «Подсоби, – говорит, – умаялся». Я грибы чистить, прямо скажем, не очень умею, но сел. Поковырял чего-то там. Вдруг он смотрит на меня лукаво, головой качает: «Не так!» Я только руками развел: «Непривычный, – говорю, – к вашему промыслу, дедушка». Он засмеялся: «Я не о грибах тебе, я о кладах. Не так надо клад искать». Я во сне напрягся весь... Думаю, не спугнуть деда... «А как, – спрашиваю, – как, дедушка, клад искать надо?» Он еще громче смеется: «А чего его искать? В подпол-от залезай да сразу землю не рой, а найди слева камень. Отвори его. Попадешь в омшаник. Место тако для ульев. В омшанике найди сундук, пыль смахни, открой – там и клад».

– Ты и полез? – выдохнул возница, который смотрел уже не за дорогой, а за руками Штейна, словно дирижирующими невидимому оркестру.

– И полез, – хохотнул Штейн.

– И нашел...

Музыка заиграла в самой душе юного запивашки.

– И нашел.

Тут возница задумался, и музыка оборвалась.

– Так ведь... Так ведь ты летом сюда приехал.

– Да. Летом.

– И сразу клад нашел.

– И сразу. Нашел.

– А чего делал до снега?

Штейн, который опустил было руки, снова поднял их и взмахнул ими в воздухе:

– Как чего? Я дальше искал.

– Клады?

– Ну да.

– И нашел еще чего?

– Нет.

Парень расхохотался так, что едва не упал с саней, и Штейну пришлось ухватить его за рукав.

– Ой, уморил. Вот это по-нашенски.

Неожиданно возница вцепился в вожжи:

– Тпру!

Штейн с упреждающей улыбкой смотрел на хмурое злое лицо.

– Ние вйеришь? – спросил он.

И только сейчас парень ощутил, что говорит-то барин не так.

– Не верю, – ответил возница, словно стукнул кулаком по столу.

Тогда Штейн расстегнул дорожный саквояж, развязал лежащий там увесистый мешочек и сунул под нос парню пригоршню золотых червонцев.

– Как йагодка морошка на болотье.

Парень сугрюмился еще больше, схватил вожжи и так рванул с места, что теперь впору было ухватывать Штейна...

– Уезжаете от нас, барин? – возобновил парень разговор еще через час.

– Да, – кивнул Штейн. – Не могу долго сидеть на одном месте.

– Семья-то есть?

Возница определенно нравился Штейну. Мужики в этом первородном уголке были не то чтобы смелее среднерусских, но прямее в разговорах и вопросах.

– Нет. Я, как это у вас называется, сиротка.

– Хорош сиротка, – хмыкнул кучер, окинув быстрым взглядом дородного высокого немца.

– Родители умерли давно. Оставили состояние. Недюжинное. Опекуном дядька был. Порядочный. Все до пфен... до копеечки мне пйередал. Нужды не испытывал. Учился... Шикарно! Гегеля видел и, что важнее, слышал. Вот и нйе дорожу ничем таким. То ли родители виноваты. То ли Гегель. Кибитка для меня дом родной.

– Сани это, не кибитка. Кибитка тама, – возница, опять посуровев, резко махнул кнутовищем назад, в сторону праздника. – А женка, детки – есть у тебя?

– Хотел в России посвататься, да бабы везде одинаковы, – брякнул Штейн.

Парень зашелся в смехе:

– Это точно.

– Хорошо с тобой болтать, – вздохнул Штейн. – Жаль, расстанемся скоро. Философская-то...

– Версты две отсель, – кивнул кучер. – Дело к вечеру. Заночуешь, сталбыть, тама? Я вертаться хотел.

– Это можно, – кивнул Штейн. – Да письмо отправлю. Пусть впйеред меня летит...

– Дак нет же у тебя никого. Кому писать-то собрался? – хохотнул парень и погрозил Штейну рукавицей. – Видать, ждет кака зазноба?

– Ждйот. Йуная Гретхен. Она мйеня приворожила и страшно ревнует к вашей России. Говорит: «Хочу бабу Русь сглазить». Можно так выразиться?

Запивашка кивнул. Штейн дружески хлопнул вожатого по плечу.

– А хошь, я тебе песню спою? – спросил возница.

Штейн кивнул.

Запивашка приосанился и повел сипловатым от единственной возлюбленной – чарки – и от вечного холода голосом:

Мой неверный муж,
Нехороший муж,
В путь-дорогу он
Собирается.
И берет с собой,
И берет с собой
Чернобровую,
Черноглазую.

Я иду-иду
В темну хижину,
Где живет карга
Приворотница.
Во огонь карга
Мещет травами.
Над огнем карга
Машет крыльями.

А я вижу, как
В стольном городе

Пир горой идет,
Пир горой идет.
Да лихой мужик
Ножик выхватил.
Да тем ножиком
Чернобровую.

А я жду-пожду,
Как воротится
Нехороший муж
Одинешенек.
Пристыжу его
И прощу его.
Проживем мы с ним
Много долгих лет.

Да вдруг слышу я,
Слышу громкий плач
Чернобровенькой,
Черноглазенькой.
Без платка она
Рядом с санями
Побежит-бежит,
Да напрасно все.

Стыло зеркало –
Очи ясные.
И летит кольцо
Обручальное.
Застит облако,
Туча черная,
Всю любовь мою,
Всю судьбу мою.

- Что, барин, хороша песня? – спросил возница у Штейна.
– Хороша, – помолчав, согласился немец. – Она очень русская.
– То-то и оно, – ответил запивашка.
И украдкой достал из-под полы нож...

Женя Ляпаков, нищий завсегдатай питерских игорных домов, был уверен, что знает фарт и его законы. Одним из таких непреложных законов было – играть до последнего. Вторым – играть не на свои. Желających вкусить от ароматного пирога азартной игры в столице было с избытком. Из них для Женьки больший интерес представляли провинциалы, мнущие потными пальцами в тайных карманах свои, а иногда и чужие ассигнации.

Одного такого простачка, одетого в прескверный костюм, Женька и прибрал к рукам. Водил из одной компании в другую. Не давал ошипывать за зеленым сукном. Присматривался. Принюхивался. Подбирал крохи и думал, существует ли пирог. И наконец решился.

– Вот что, мой юный друг. Идем в один очень хороший дом, но такой, где нам с тобою не откажут и обратно с порога не отвернут. За это надобно будет заплатить.

- Сколько? – недовольно поинтересовался молодой парень с пропитым и злым лицом.

А Ляпаков чуял всем сердцем, что у этого кренделя имеются деньги. Не весть откуда, но имеются.

– Пять червонцев, – бухнул Ляпаков наугад.

«Злой», как окрестил нового знакомого Женька, кивнул.

– Будет тебе пять червонцев.

– Это не мне... Это для дела.

– Через два часа зайдешь ко мне в номер...

– Так-с, любезный, – ближе к вечеру продолжил наставлять новичка Ляпаков. – Будем учиться играть в одну популярную игру. Называется она «Campis».

– Как?

– Кампис. Ты имеешь несколько жизней. И на каждую карту ставятся червонцы. Хватит червонцев-то на каждую карту?

– Хватит. Еще и останется...

– Ставлю все на номер восемь! – объявил через несколько лет с иголки одетый, но со злым лицом русский в одном из самых знаменитых казино мира. – Все на номер восемь!

Его выигрыш не стал событием, которое перевернуло ход человеческой истории.

По большому счету, выигрыш его не стал даже событием, перевернувшим ход одной человеческой жизни...

– Значит, правда? – в сотый раз переспрашивал молодой парень у мужика, судя по всему отца...

Дело было в толпе на берегу реки.

Река эта не называлась никак, словно ждала своего названия.

– А шут его знат – река и река! – говорили по этому поводу жители Философской и соседних деревень.

В документах она так и значилась – Река.

Вообще у нового градоначальника была явная неприязнь к старым названиям деревень и сел.

Когда из губернии пришел указ изложить к приезду Великого Князя новые таблички, в этом самом месте между Филосовской, Сотонинской и Философской градоначальник выбрал Философскую. «Гегеля видел. И слышал!» – пронеслось у него в голове. Но то ли случайно, то ли нет, а табличку сделали со старым названием, которое не застал этот градоначальник, еще только родившись на свет.

Надо было найти и наказать сукиных детей, но человек этот взял, как говорили гимназисты, либеральный курс, то есть никого не наказывал, ничему не мешал, а все строил и строил церкви. Да и приказы его сводились к двум формулам: чтобы в праздники на торговых площадях не пахло конским навозом да не было упившихся до состояния скотского или близкого к оному.

И ни приезд высочайших лиц, ни народное волнение, докатившееся и до северного уголка, не могли взволновать его миролюбивый меланхолический нрав.

Одно ставили местному главе в вину.

Не добился он, чтобы в уезд проложили железную дорогу. И остался городок в сорока верстах от цивилизации. О причинах, по которым железку не дотянули до Вороньего Поля, спорили, выбирая, собственно, между двумя. Первая: глава был вусмерть пьян (водилась, водилась за ним хорошо скрываемая, но всем известная страсть к зеленому змию). Вторая: когда прибыл начальник железной дороги, глава мылся в бане. Поскольку одна версия не исключала другой, сошлись на варианте среднем: железную дорогу в Воронье Поле не проложили, потому что, когда приехало начальство, местный глава мылся в бане и вдобавок был вусмерть пьян, поэтому к начальству не вышел. Начальство обиделось – и отбыло несолоно хлебавши, да и не оставивши на чай.

И лишь однажды глава вышел из сонного благодушества.

В день своего юбилея он пригласил на пикник всех городских купцов. И арендовал для этого баржу. Но баржа на пороге в десяти верстах от Философской перевернулась, и все купцы потонули.

Тогда-то в толпе на берегу кто-то припомнил, что старожилы, дескать, говорили о главе и нехорошее. Будто был он по рождению мужиком, повез однажды какого-то немца, да и пропал вместе с ним. А объявился лет через тридцать – под чужим именем, дворянином, при богатстве и у власти. Из-за своих тайн, дескать, и не был женат, и жил замкнуто.

Или слух, который полз по уезду, или гибель товарищей столь взволновали главу, что через неделю после испорченного праздника он в страшных мучениях скончался. Смертную муку принял у него некий безногий нищий, совсем еще молодой. Городничий за месяц до смерти подобрал этого парня у рынка и держал при себе навроде шута горохового. Парень был речист и хорошо играл на балалайке. Говорили также, что безногий принял от городничего не только смертную муку, но и кой-что еще. Но говорили уже устало, по привычке судачить.

А потом добрые уездные жители забыли худое и возвели хвалу Господу за дела последних лет жизни местного градоначальника. И когда главу на городском кладбище опускали в могилу, по всему уезду звонили колокола с церквей, построенных на деньги этого славного человека...

Еще при жизни покойного, когда потонула злополучная баржа, вследствие чего город и околотки на время остались без купеческого сословия, некий мужик в толпе на берегу ответил своему сыну на вопрос, правда ли, что глава-то в прошлом – убивец, – такими словами:

– Кой бес вомчал, тот и вымчит.

– Это как, батюшка?

– А это так, что ежели чего и было, так оно уже искупилось. Добрым делом. Православным храмом. Да нашим благополучием.

И мужик перекрестился на церковь, стоявшую близ реки...

...И надобно же было тому случиться, что именно этот парень, войдя в лета, отмахиваясь от проклятий одряхлевшего за годы отца, влез на колокольню и вместе с другими мужиками сбил с нее колокол и крест. А церкву растащили по кирпичику. Дело было в тридцатом году.

Великая война сняла кровавый урожай по уезду, где некогда жил и строил храмы глава-запывашка. Ни один из тех, кто ломал церкви, не вернулся домой. Хотя, впрочем, один вернулся – калекой. Был он хром от ранений, но руки имел хорошие. И в девяносто первом году, собравшись с силами, к своей избе в деревне Философская приладил деревянный купол и крест. После этого помер. А в новую часовню молиться никто так и не ходил.

5. После рукописи

Рукопись едва не стоила мне ужина.

Когда я хрустел обуглившимися скелетами пельменей, что-то, помимо естественной гадливости, не давало мне почувствовать первобытное наслаждение сожженным заживо мамонтом. После того как мамонт был доеден, а посуда брезгливо, но осторожно положена в зловонную раковину, в голове моей вспыхнула и погасла фамилия Штейн. Ну да, Штейном мнил себя Сергеев. А далее загорелся индикатор второго вопроса. Кто и зачем прислал эту рукопись? Меня осенило. Дело в том, что рукопись эта, прямо скажем, не толстая, то ли для того, чтобы получился объем, то ли для чего-то еще была напечатана очень крупным шрифтом на одной стороне каждого листа. Я стал переворачивать листы и смотреть, нет ли с обратной стороны каких-либо знаков свыше. И нашел.

Одно-единственное предложение, выведенное корявым детским почерком и с такими же детскими ошибками: «Если хочеш встретица нащет Сер-ва прих. завтр. на автост в десять».

Подписи не было, и я не знал, кто же назначает мне свидание. Хотя бы – мужчина или женщина. И если женщина, то симпатичная или нет.

Тогда я подумал, что мне написала женщина, симпатичная и не отягощенная печатью интеллекта. И невинности. И на свидание решил пойти.

С этим я завалился спать.

Мне приснилось, как я занимаюсь любовью с невысокого роста, но очень грудастой, знойной и, судя по немецкому причету, не очень умной проституткой. Глаза ее густо накрашены тушью. С губ аж помада стекает. Прекрасная мерзость! Однако пароксизма страсти мы с ней достигнуть не успеваем. Нам, в частности мне, мешает телефонный звонок, о которого партнерша тает в воздухе и за секунду перед тем, как растаять окончательно, с нагловатой ухмылкой окаяющим говорком бормочет:

– А хошь продолжить, Гретхен ишшы. Раньше Крюгер была фамиль, а шас не скажу-у.

Потом я проснулся. И в бешенстве неразрешенной страсти, умноженной недосыпом, понял, что забыл отключить телефон. Спотыкаясь и шатаясь, я дошел до прихожей, но тут понял, что звонит мобильник, и ринулся к нему. Нашел. Но и в этом телефоне звучали гудки. А звонок между тем не только не умолк, а стал еще громче, еще назойливее. Тогда я понял, в чем дело. Подошел к полке с книгами, схватил томик Хемингуэя с романом «По ком звонит колокол» и открыл его. Звонок действительно замолчал. Однако в книге не было ни единой строчки. Только чистые белые листы бумаги. А потом они вдруг начали заполняться одним и тем же именем: «Гретхен Крюгер».

Тут опять раздался звонок. И я вскочил на кровати. Оказалось, что вчера я не только отключил телефоны, но еще и поставил будильник, звавший меня на таинственное свидание. Предположительно – с маленькой грудастой блондинкой.

Дорога на автостанцию особенно ничем примечательна не была. Я живу в двух шагах – фигурально – и в двадцати минутах ходьбы – по сути. Вообще я предпочитаю ходить пешком.

На перекрестке второстепенной и еще более второстепенной дороги жил да был маленький домик. Вот сколько я живу, столько я его и помню. Наверное, он кому-то принадлежал. Во всяком случае, я видел несколько раз сморщенную бабку с клюкой на скамеечке возле этого дома. Потом бабку я видеть перестал, а дом все стоял и стоял. И вот как раз по дороге на автостанцию я обратил внимание на то, что домик стал очень похожим на декорацию. Через несколько секунд размышлений (думал я на ходу) мне открылось, что домик не стал похожим на декорацию, а стал декорацией. Его разбирал экскаватор, прозванный в народе «фишкой», и стена, обращенная к дороге, была всем, что от этого дома осталось. Я оглянулся и увидел на стене, к которой тянулись пальцы однорукого железного великана, обои в красный горошек. Стало грустно. Под ноги мне шлепнулась игрушка. Марафонец. Красный. Без ноги.

Автостанция встретила руганью таксистов, нестареющей торговкой семечками, новым пластиковым зданием, куда я и зашел, с порога присмотрев пустую скамеечку. Было душно. Слишком душно для мая. Это я успел подумать. А потом кто-то ладонями закрыл мне глаза.

Я уж было обрадовался, что блондинка пришла из сна, чтобы завершить незавершенное, но тут обратил внимание на две детали. Во-первых, ладони блондинки были большими и шершавыми. Ну это еще можно было бы понять и списать на трудное детство, деревянные расчески... Однако было еще и во-вторых. Руки пахли так же странно, как рукопись. Этот запах был, действительно, связан с кошками, но не так, как я подумал сначала. Кошки любили то, чем пахла рукопись и руки, закрывшие мне глаза. Кошки любили рыбу.

А я уже знал, кто стоит у меня за спиной, и поэтому неприязненно проворчал:

– Вы бы еще крикнули: «Я кодирую вас!».

– Я кодирую вас! – рявкнул кто-то у меня под ухом.

Я стукнул по рукам и обернулся, чтобы увидеть лошадиную рожу моего коллеги, местного нарколога. Ко мне, обладателю заветных корочек народного целителя, он относился свы-

сока. Вот и сейчас – плюхнулся на соседнее кресло и достал из-за пазухи початую бутылочку с коньяком:

– Дожили, дома выпить уже не дает, коза драная. На рыбалку отпускать перестала.

Опустошив бутылочку быстрым и точным глотком, нарколог свойски постучал меня по плечу:

– Извини, не предлагаю.

Потом он чему-то засмеялся, громко и коротко. И уставился на меня сквозь толстые линзы больших старомодных очков.

– Так вот, я насчет Сергеева. Некоторые в таком разе, – нарколог оттопырил нижнюю губу и шелкнул по шее, – почему-то предпочитают идти не по адресу.

Вероятно, я должен был повиниться перед старшим товарищем, пасть ему в ноги и устно вверить Сергеева в руки подлинного мастера, но я этого делать не стал, а выжидательно буркнул:

– Ну.

Мой короткий недружелюбный ответ почему-то вдохновил собеседника.

– Скажите, а вы знаете, как меня зовут? – поинтересовался он.

– Чего?

– Имя мое можете назвать?

– Это что – тест?

Он захохотал, показывая желто-коричневые зубы.

– Нет, общение. Вернее, почти общение почти коллег. И уж во всяком случае, братьев по разуму.

И он опять засмеялся. А я неожиданно чихнул.

– Почему вы чихнули? – поинтересовался нарколог...

О! Я вспомнил, как его зовут – Анатолий Валентинович.

– Да хрен его знает, Анатолий Валентинович, – пожал я плечами.

– Простужены?

– Нет, здоров до неприличности.

– Что ж тогда? Аллергия?

Я ухмыльнулся:

– Аллергии нет.

Анатолий Валентинович закинул ногу на ногу.

– А хотите, я скажу вам, почему вы чихнули и откуда вы узнали, как меня зовут?

Я не удостоил его ответом. Но Анатолию Валентиновичу этого, похоже, и не требовалось.

– Я внушил вам свое имя... Паспортное... Хотя мог бы и какое-нибудь другое. Хрен бы потом отвыкли. А также я внушил вам чихнуть.

– Все? – поинтересовался я.

– Все.

И тут я почувствовал, что мой собеседник... Нет. Не напряжен. И если я сейчас встану и уйду, то он не побежит за мной. Просто... Он наблюдает.

– Да, я наблюдаю, – кивнул Анатолий Валентинович.

«Угадал?» – пронеслось в голове.

– Нет, не угадывал, хотя внешне похоже. Хорошо, еще одно доказательство – и баста. Не верите, катитесь к чертям. Вам у них самое место.

Глаза под очками стали холодными и отстраненными.

– Ну? – спросил он.

– Никакой я не бабник, – неожиданно выпалил ваш покорный слуга. – Я создаю видимость бабника, чтобы не прослыть одиноким неудачником. А баб... Женщин... У меня было совсем немного.

– Пять! – показал Анатолий Валентинович расклепанные пальцы. – Жена. Бывшая. Проститутка. Тоже, кстати, на данный момент бывшая. В голове не укладывается, что эта светская дама за пятьсот рубчиков... Что – союзное слово, на которое падает логическое ударение. И оно является членом предложения. Еще каким! Прилипчивая дамочка за сорок. Пьяная соседка. Все.

– Четыре, – покачал я головой. – Вы ошиблись. И пытались меня заговорить, чтобы я этого не заметил.

– Не ошибся, а обсчитался. Я гипнотизер, а не математик.

– Суть вашего метода – вкалывать пациентам глюкозу и орать на ухо: «Я кодирую тебя!».

– Чушь, – отмахнулся Анатолий Валентинович. – Про алкоголиков вы все прекрасно знаете. Метод мой, по сути, ничем не отличается от метода вашего. Просто разные формы. Не люблю, знаете, пичкать ближних пилюлями, от которых рожи краснеют. Еще хуже – зашивать эти пилюли ближнему в плоть. А бить током в голову – это, по-моему, вообще моветон.

На какой-то момент я увлекся предметом разговора:

– Ну да. Кто хочет завязать, тот завяжет. Если жить хочет, конечно. Визит к нам – это уже сама по себе кодировка.

– От которой не помирают и даже не становятся импотентами.

Я хмыкнул:

– Да уж. Точно. И при отрицательном результате ты не становишься палачом.

– Конфеты дарят? – поинтересовался Анатолий Валентинович.

– Все больше коньяк. Молча приходят и дарят. Без руки, без слова. Не думаю, что таким образом меня благодарят за утрату отца и мужа. Радость от подобных потерь обычно бывает тихой и незаметной для окружающих.

Мы замолчали, отчего сразу вспомнили, что друзьями не можем быть по определению. Кроме того, я почувствовал, что волна моей откровенности нахлынула на берег нашего разговора неслучайно. Посмотрел в глаза под очками и понял: точно, неслучайно. Анатолий Валентинович был подобен безумцу, с которым ты мягко говоришь, принимая его доводы Наполеона или разведчика. И безумец становится послушным, перестает кричать, размахивать руками. Ты дальше спокойно беседуешь с ним, но вдруг видишь, как в его глазах искрит сверхчеловек, и понимаешь, что это не ты его переиграл, а он тебя. Он не смирился. Он снизошел до тебя. Поощрил за банальную вежливость, не требующую ума, который есть только у него, безумца.

Мы вернулись к предмету спора.

– И отчего же вы не пользуетесь своей высшей телепатией во благо человечества? – съязвил теперь уже я.

– Пробовал. В результате...

– Что?

– Не хочется вспоминать. Заинтересовались мною. Кое-кто. Год потратил на то, чтобы доказать свою несостоятельность.

Тут он задумался и ослабил хватку или как там у них это называется. И я коварно рубанул спящего:

– Послушайте, вы же о Сергееве пригласили меня поговорить. И о той рукописи. Так чего...

Он внимательно посмотрел на меня и достал из кармана пачку... Конечно же, «Примы». Отсюда и зубы. Но закурил удивительно вкусно.

– Гражданин, – тут же послышалось сзади. – А вам известно, что курить запрещено не только в здании вокзала, но и на расстоянии меньше чем десять метров от вокзала?

Анатолий Валентинович затаился еще раз. Сзади вздохнули и предложили:

– А пройдемте-ка.

– А пройдемте-ка, – грустно повторил Анатолий Валентинович и развел руками. – В другой раз договорим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.